

МИМОХОДОМЪ.

Положеніе художника г. Бунина, послѣ того, какъ нѣкій г. Любошитцъ такъ грубо выразилъ свое мнѣніе о его картинѣ, было самое выгодное.

Г. Бунинъ сдѣлался человѣкомъ „пострадавшимъ“ и въ этомъ качествѣ сталъ возбуждать даже сочувствіе.

Конечно, картина его на первый взглядъ странная, какъ будто даже бессмысленная и рассчитанная только на скандалъ.

Такъ думали или такъ высказывались въ печати до поступка г. Любошитца почти всѣ.

Но послѣ того, какъ картина была испорчена, публика стала задумываться:

— Не слишкомъ-ли строго отнеслись къ г. Бунину? Вѣдь можетъ быть картина его вовсе не такъ бессмысленна, какъ показалось сначала.

И вотъ въ картинѣ стали искать аллегорію. Вѣроятно, не безъ намѣренія же г. Бунинъ представилъ Л. Н. Толстого и Рѣпина безъ панталонъ, а М. Горькаго въ полномъ парадѣ!

Быть можетъ это значитъ, что Л. Н. Толстой опростился, а М. Горькій поднялся изъ общественныхъ низинъ на верхъ—одинъ раздѣлся, а другой одѣлся. Но только причемъ же тутъ Рѣпинъ?

А быть можетъ картина значитъ, что старые художники извлекали рыбу изъ общественнаго омута, а молодые ее подбираютъ?

Гадали и такъ, и этакъ, а А. А. Карелинъ въ *Знамени*, гдѣ онъ пріютился подъ крылышко г. Крушевана, высказалъ даже, что г. Бунинъ „польстилъ“ Л. Н. Толстому и Рѣпину, уподобивъ ихъ апостоламъ-рыбакамъ.

Значеніе картины, вслѣдствіе такихъ толкованій начало возрастать, и г. Бунину оставалось только, усвоивъ то или иное толкованіе, развить его, чтобы прослыть художникомъ-мыслителемъ, избравшимъ смѣлую форму, прекрасно выразившую идею, но которая шокировала людей поверхностныхъ и отсталыхъ.

Однако, къ несчастію г. Бунина, онъ оказался вовсе не на высотѣ событій и самъ выдалъ себя съ головой: онъ не въ состояніи былъ даже усвоить того, что старались вложить въ его картину люди, которые и въ бѣломъ листѣ бумаги способны открыть глубокий смыслъ.

Репортеръ *Нов.* отправился къ г. Бунину, чтобы отъ него самого узнать, что онъ хотѣлъ сказать своей картиной, такъ различно толкуемой.

Увы, немного узналъ онъ!

— Я никогда не ожидалъ,—началъ художникъ,—что картина моя вызоветъ столько толковъ въ обществѣ,—толковъ, въ большинствѣ несправедливыхъ. Печать рѣзко раздѣлилась за и противъ, а я, въ дѣйствительности, чуждъ всему, что мнѣ приписывалось. Не называлъ-же я своей картины „Толстой ловитъ рыбу“ или что нибудь въ этомъ родѣ, а далъ ей названіе, соответствующее ея сюжету. Идея моя проста, какъ самъ сюжетъ: рыбаки вытаскивали первую тою и хотятъ тянуть вторую.

Упомянувъ о томъ, что „толстовцы“ (будто бы только толстовцы?) подняли крикъ, что онъ нарисовалъ Л. Н. Толстого безъ брюкъ, г. Бунинъ говорилъ:

— Да развѣ можно иначе? Вѣдь такъ обыкновенно логатъ рыбу рыбаки. Что же, отъ меня хотятъ, чтобы я нарисовалъ Толстого вытаскивающего тою въ смокингѣ или во фракѣ? Нѣтъ, это уже былъ бы абсурдъ и потому костюмъ у меня соответствуетъ сюжету.

И такъ, идея картины въ томъ, что, вытаскивши первую тою, обыкновенно тянутъ вторую, а Л. Н. Толстой нарисованъ безъ панта-

лонъ потому, что такъ обыкновенно ловятъ рыбу.

— Совершенно вѣрно, такъ ловятъ рыбу, но при чемъ же тутъ Толстой и Рѣпинъ, которые вѣдь вовсе не рыболовы, но одинъ писатель, а другой художникъ?

Не знаемъ, спросилъ ли такъ репортеръ, но на его лицѣ должно было выразиться крайнее недоумѣніе, когда онъ услышалъ отъ г. Бунина столь простое объясненіе.

Замѣтивъ, вѣроятно, это недоумѣніе, г. Бунинъ продолжалъ:

— Я уважаю Толстого какъ писателя, какъ большого романиста, но его чудачества я всегда находилъ нелѣпыми и никогда не одобрялъ тѣхъ, кто возводилъ Толстого въ культъ. Это абсолютное, слѣпое поклоненіе Толстому я всегда считалъ дикимъ, смѣшнымъ. Въ моей картинѣ, однако, противъ Толстого ничего нѣтъ; ни каррикатуры, ни сатиры. Если я нарисовалъ около него И. Е. Рѣпина, то потому, что тотъ возводитъ Толстого въ культъ. Вѣдь въ какихъ, въ какихъ только позахъ и костюмахъ не перерисовалъ Рѣпинъ Толстого!

Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ хуже! Вышло уже, что г. Бунинъ снялъ съ Толстого панталоны потому, что „никогда не одобрялъ тѣхъ, кто возводилъ Толстого въ культъ“, а съ Рѣпина потому, что онъ рисовалъ Толстого въ разныхъ видахъ.

Это, конечно, звучало до того невѣроятно— дико, что репортеръ все настаивалъ:

— Какая же, собственно говоря, была ваша идея? Нѣтъ ли тутъ аллегоріи?

И вотъ г. Бунинъ отвѣчалъ:

— Да, если усматриваютъ въ моей картинѣ аллегорію, то, пожалуй, это немного справедливо, такъ какъ, дѣйствительно, картина вышла аллегорической, вѣдь должна же въ картинѣ быть идея: таковъ процессъ творчества. Художникъ не беретъ абсолютной идеи и не подыскиваетъ ея, а она сама приходитъ въ формѣ.

Выходить, что въ представленіи г. Бунина художникъ долженъ быть похожъ на Ноздревскаго повара, который „руководствовался болѣе какимъ то вдохновеніемъ и клалъ первое, что попадалось подъ руку: стоялъ ли возлѣ него перецъ—онъ сыпалъ перецъ, капуста ли попала—совалъ капусту, пичкалъ молоко, ветчину, горохъ,—словомъ: катай валяй, было бы горячо, а вкусъ какой-нибудь, вѣрно, выйдетъ“.

А если вкуса не выйдетъ, то скандалъ навѣрное. И г. Бунину оставалось только воспользоваться имъ, потому что обстоятельства складывались для него благопріятно.

Но, очевидно, и для этого у г. Бунина не хватило силъ: идейно скадаломъ онъ не сумѣлъ воспользоваться но надѣется воспользоваться имъ матеріально. Онъ намѣренъ везти картину въ Берлинъ, чтобы собирать тамъ... зильбергроши.

И выходитъ, что г. Бунинъ въ самомъ дѣлѣ вовсе не художникъ, а... Ноздревскій поваръ.